

МОИ БОИ ЗА ИСТОРИЮ:

КАК Я БЫЛ ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА «РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ»*

Андрей МЕДУШЕВСКИЙ

СИТУАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Состояние научного исторического сообщества в постсоветский период кратко, но точно характеризуется как *когнитивный диссонанс* — глубокое противоречие психологических установок, знаний и поведения. Прежние теоретические конструкции и формы организации показали свою неэффективность и утратили легитимность задолго до крушения СССР, новые — еще не сформировались или находятся на стадии становления, порождая кризис идентичности, раскол внутри научного сообщества и жесткое противостояние различных его групп.

Эти проблемы есть продолжение деформаций советского периода, для которого были характерны догматическая окостенелость, идеологический контроль, клановая замкнутость, отделение академической науки от высшей школы и образования, искусственное подразделение историков по узким направлениям специализации с поддержанием барьеров между ними, ритуализация исследовательского процесса и подозрительность в отношении неформальных структур, которые представляли ересь. Уничтожение классической до-революционной науки и установление монополии на истину в советский период (поддерживавшейся идеологическими кампаниями, проработками, комиссиями и т.п. методами, столь привлекательными для некоторых современных администраторов) привели к развитию конфликта идеологии и науки, общему падению престижа советской историографии.

Социальный переворот конца XX в., связанный с крушением коммунизма и распадом СССР, привел к дестабилизации советского социума и радикальным изменениям в поло-

жении общественных наук и их представителей. В условиях постсоветского демократического транзита — произошел крах государственной монополии на занятие наукой, сформировалась новая проблематика исследований, на время (!) открылся было доступ к ранее секретным архивам, была отменена цензура, наступило освобождение от партийности, сложились новые отношения внутри сообщества. Возник фундаментальный социальный запрос к научному сообществу по вопросам выработки методов адекватного научного познания прошлого, содержательного анализа российского исторического процесса в глобальной и национальной перспективе, его репрезентации в новых исторических условиях¹.

Ответная реакция исторического сообщества оказалась противоречивой: с одной стороны, оно в полной мере воспользовалось новыми возможностями, а с другой — возник хаос методологических подходов, усугубленный постмодернистским релятивизмом в мировой науке и растущими сомнениями в состоятельности гуманитарных наук как таковых.

Поиск научным сообществом своей профессиональной идентичности в меняющемся мире прослеживается в деятельности ведущих научных изданий, в частности академических журналов. Самой показательной является судьба журнала Российской Академии Наук «Российская история» — ведущего национального научного исторического журнала.

В истории журнала можно выделить три основных этапа, соответствующих переломным вехам развития страны и исторической науки новейшего времени: первый — от осно-

вания (в марте 1957 г.) до 1992 г.; второй — до 2006 г.; третий — начинается с 2007 г. Эти этапы выражаются в изменениях названия журнала: «История СССР» (1957–1991), «Отечественная история» (1992–2008) и «Российская история» (с декабря 2009 по настоящее время).

В статье с позиций социологии науки и «включенного наблюдения» дается анализ последнего этапа деятельности журнала «Российская история», главным редактором которого автор являлся в период с 2007 по 2012 гг.²

Возглавить журнал я согласился по предложению тогдашнего директора Института российской истории РАН А.Н.Сахарова, который на завершающей стадии своего руководства Институтом счел целесообразным выступить с критикой консервативных академических порядков и выдвинул тезис о необходимости обновления научной жизни. Я принял это предложение не без колебаний, учитывая официальный статус журнала и неприятие мною его предшествующей идеологической линии. В результате переговоров с директором был заключен своеобразный «пакт», включавший следующие позиции: невмешательство администрации в содержательные вопросы деятельности журнала (что ранее имело место); существенное обновление редколлегии (выведение из нее в порядке «ротации» ряда одиозных персонажей и включение по моему представлению ряда других, в том числе иностранных ученых); радикальное изменение направления журнала — отказ от идеологизированных квазимарксистских представлений, господствовавших ранее, и переход на международно-признанные академические стандарты; предоставление мне определенного уровня академической независимости, необходимого для продвижения современных научных концепций и осуществления перелома в сознании профессионального сообщества. В целом это был мандат на проведение реформы журнала, а через нее — введение новых стандартов профессиональной научной этики в одном из ключевых институтов РАН.

При осуществлении этого курса в последующее пятилетие основное внимание мною было обращено на следующие ключевые вопросы: разработка новых концептуальных основ журнала в контексте смены парадигм в современной исторической науке; переосмысление структуры научных приоритетов; четкое определение социальных функций исторической науки и экспертная составляющая исторического знания; водворение новых стандартов профессиональной этики, позволяющих модернизировать сознание научного сообщества, несмотря на жесткое сопротивление его консервативной части.

Конфликт журнала с академической бюрократией по этим вопросам предельно четко выявил смысл и значение

моей *борьбы за историю* в современной России. Я построю свой анализ по этим параметрам, имея в виду показать как достижения, так и трудности рассматриваемого периода. Эта деятельность, позволившая мне находиться в центре академических дискуссий в один из наиболее интересных периодов трансформации российской исторической науки, дает возможность оценить общие направления развития российской исторической мысли, борьбу ценностей внутри профессионального сообщества, тенденции академической политики.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЖУРНАЛА

Современная ситуация в мировой гуманитарной мысли и исторической науке определяется растущим несоответствием традиционных методов познания новой социальной реальности. Эти методы, восходящие к метафизическим эволюционистским и позитивистским доктринам прошлого, не дают убедительных ответов на основные вызовы современного общества рубежа XX–XXI вв., — такие как глобализация (разрушение устойчивых исторически сформировавшихся границ культурной и национальной идентичности), информатизация (рост объема информации и скорости ее распространения при общем снижении качества) и диалог культур (кризис традиционного европоцентризма и необходимость интерпретации мотивации поведения человека в других культурах, понятиях и ценностно-нейтральных категориях).

Наиболее отчетливыми проявлениями кризиса традиционной методологии гуманитарного познания в современной историографии стали: отказ от системности концепции мировой истории, отрицание за ней звания полноценной науки, отрицание сравнительного метода как способа познания общественных закономерностей и явлений, наконец, отсутствие единых критериев доказательности в гуманитарном познании. Это приводит многих современных исследователей к релятивизму, выводу о невозможности исторического познания в принципе или, во всяком случае, невозможности такого познания как строго научного.

Данный серьезный интеллектуальный вызов научному сообществу требовал адекватного ответа. Он был найден нами в теории *когнитивной истории* — наукоучении (построении логики науки), возникшем в результате синтеза информатики и когнитивных наук, изучающих человеческое мышление, с одной стороны и теоретического источниковедения, — с другой.³ Речь идет о радикальной смене научных парадигм — переходе от традиционных нарративистских подходов к когнитивной науке (ориентированной на понимание смысла и мотивации поведения).

С этих позиций журнал в 2007–2012 гг. реализовывал программу, сформулированную в ходе дискуссии о стратегии развития и модернизации данного академического издания. Ее материалы представлены в специальной публикации: «Каким быть журналу?» Она открывалась моей статьей об аналитической истории и приоритетных направлениях исторической науки⁴. Дав критический анализ современного состояния российской историографии, участники обсуждения констатировали ситуацию смены парадигм в исторической науке, сформулировали задачи по таким параметрам как теория, содержательные направления работы, характер отбора статей. Эта стратегия была положена в основу работы редакции в рассматриваемый период времени.

Не все участники данной дискуссии, однако, поддержали представленную мною концепцию: в их выступлениях отразилась растерянность части научного сообщества, обеспокоенность традиционалистского сознания, столкнувшегося с отсутствием привычного указующего перста, раздражение и даже агрессивность в отношении перехода на новые методологические и профессиональные стандарты.

Отдельные ученые выступали против резкой смены научных парадигм, недоумевали по поводу интерпретации истории как аналитической науки, способной конструировать модели и тем более предлагать какие-то прогностические рекомендации. Они выражали тревогу в связи с растущей концептуальной направленностью издания, провозглашенным отказом от классового подхода и приоритетным вниманием к истории институтов, права и политики.

Особое неприятие вызвало мое стремление подвести черту под советским историографическим наследием и положить конец теоретической аморфности постсоветского периода, — стремление, концентрированным выражением которого стало изменение названия журнала, с романтической «Отечественной» на строгую «Российскую историю». Уже тогда стало ясно, что новые идеи не удастся провести без существенного сопротивления консерваторов. Трудность дискуссии с оппонентами заключалась в том, что ими (при общем негативном эмоциональном отношении к выдвинутой программе) не было предложено альтернативных решений. Если они оперировали смутными психологическими ожиданиями и тревогами, то мне как главному редактору была недоступна эта роскошь — приходилось формулировать их точку зрения в аналитических понятиях только для того, чтобы возникла сама возможность научной аргументированной полемики.

В области теории основные направления наших поисков были связаны с разработкой вопросов методологии исторического познания, пересмотром историографических концепций, решением проблем доказательности выводов и верификации полученных результатов. Результаты этой ра-

боты систематизированы прежде всего в материалах круглого стола и дискуссии, развернувшейся по теме теории и методологии когнитивной истории⁵.

Новая теория когнитивной истории видит решение проблемы доказательности в изучении человеческого поведения, отражающегося в целенаправленно создаваемых интеллектуальных продуктах, неизбежно фиксирующих определенный информационный ресурс и выступающих для историка в качестве исторических источников. Именно они становятся отправной точкой доказательного исторического познания, возможного на основе методов классического источниковедения⁶.

Принятие этих установок в области теории и методологии исторического познания сделало актуальным уточнение тематики и профиля журнала, в частности, изменение его названия. С 2009 г. было принято название «Российская история» (вместо «Отечественная история»).

Причины этого изменения и его значение для исторической науки получили обоснование в моей редакционной статье «Российская история: новые рубежи и пространство диалога», в которой были сформулированы представления о том, какие традиции важно сохранить, а от какого наследия следует отказаться.

Отказ от политических догматов и идеологизированного представления об историческом прошлом, — подчеркивалось в статье, — сделал необходимым восстановление прерванной научной традиции — «стремление сохранить и восстановить преемственность в отношении к классическому периоду развития русской историографии и источниковедения, открытость в отношении мировой науки, расширение источниковой базы и спектра методов, намерение соединить фундаментальные исследования с поиском инновационных подходов и поддержкой научных талантов»⁷.

В рамках декларированных нами подходов внимание исследователей привлекло обсуждение проблем перехода от описания к измерению и от него — к пониманию в истории и антропологии, чему был посвящен специальный «круглый стол»⁸.

На представленной теоретической основе методов когнитивных наук стало возможно расширение границ диалога культур при решении следующих аналитических задач: определение критериев достоверности научного знания как центральная проблема методологии и теории истории и источниковедения, выработка на этой основе отношения к различным направлениям и школам в современной теории исторического познания; изменение баланса междисциплинарных отношений исторической науки; выяснение инновационной составляющей социологических, правовых, экономических и антропологических подходов для решения задач исторической науки; разработка проблем сравнительного подхода,

вариативности и моделирования в историческом познании, параметров измерения в истории. На этой основе стал необходим пересмотр всей системы научных приоритетов.

ПЕРЕХОД К АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Вызовы, связанные с глобализацией и диалогом культур, диффузией культурных стереотипов и моделей заставляли обратиться к следующим проблемным областям: конструирование информационной картины мира и социальной реальности по таким параметрам как пространство (географические рамки диалога цивилизаций), время (представления о прошлом и настоящем, основанная на них картина будущего); смысл существования (когнитивные основы мотивации поведения), основы социальной и культурной адаптации индивида в условиях быстрых социальных изменений.

Темами обсуждения стали вопросы истории географических открытий, культурной, религиозной и идеологической самопрезентации России в различных регионах мира, выяснение каналов сбора и обмена информацией между странами, источников, содержащих сведения о представлениях населения и элит об изменениях геополитической реальности (географические карты, переводы книг, публицистика, русская и иностранная пресса, отчеты и дневники путешественников, дипломатические документы XVIII–X вв.)⁹. Акцент был сделан на конструирование образов взаимного восприятия народов и культур в новой и новейшей истории: в центре внимания оказались понятийный аппарат имагологии как особой области исследований, вопросы межкультурных коммуникаций в периоды острых международных конфликтов и войн, а также возможности диалога культур в процессе быстрых перемен, связанных с формированием постсоветской политической реальности¹⁰.

Формирование образов противника и союзника в истории, их трансформация в историографии России и стран Восточной Европы на современном этапе, а также их изменение под влиянием внешнеполитической ситуации, — важный ресурс осмысления политического процесса в динамике информационных коммуникаций и технологий распространения информации¹¹.

Особая проблема исторического процесса — влияние русской культуры на мировую в контексте волн постреволюционной эмиграции. В подборках по теме отражены географическое размещение основных диаспор русского зарубежья, его общественные организации, направления научного изучения и публикации архивных документов о нем¹².

Вполне осознавая актуальность и взаимосвязь таких направлений как глобальная, региональная и локальная история, редакция внимательно относилась ко всем иници-

ативам в этом направлении. Мы сознательно пошли на ряд экспериментов в этой области, важнейшим из которых стала подготовка специального проблемного номера по теме «Европейский Север».

Основная идея состояла в попытке посмотреть на один регион с позиций как глобальной так и локальной истории, определив наш подход как «региональную историю в глобальном измерении»¹³. При этом учитывались геополитические, социально-экономические, этно-демографические, коммуникационно-технологические факторы, влияющие на развитие региона в длительной исторической ретроспективе XV–XX вв. Этот опыт было решено использовать при подготовке аналогичных проблемных подборок по другим регионам — Поволжье, Урал, Сибирь и Юг России.

В целом существенное внимание было уделено теме российских имперских границ, их формированию и изменению, а также вопросам этно-конфессиональной политики на разных этапах истории. Тематика глобальной и локальной истории получает продуктивное развитие с позиций когнитивно-информационного подхода.

Процессы, связанные с формированием гражданского общества и правового государства, — в предшествующей историографии не рассматривались и потому стали предметом моего целенаправленного внимания в качестве главного редактора. В опубликованной подборке статей¹⁴ в журнале рассматривались историография гражданственности и гражданского общества, анализировались различные экономические, конфессиональные, профессиональные общественные организации, систематически публиковались материалы по истории местного самоуправления, земского движения, административных и судебных реформ, а также истории русской общественной мысли, образования и интеллигенции.

Данный анализ позволил пересмотреть стереотипное представление об отсутствии исторических предпосылок современного гражданского общества и вести их возникновение как минимум со второй половины XVIII в. Эти вопросы разрабатывались в рамках истории просвещения и народного образования¹⁵, конфессионального фактора¹⁶, общественной мысли и роли интеллигенции¹⁷.

Следует подчеркнуть появление на страницах журнала ранее практически отсутствовавшей тематики правового государства, истории российского парламентаризма и конституционализма.

Данная тематика представлена в подборках материалов по теории и истории российского конституционализма как общественно-политического направления¹⁸; обстоятельств созыва и разгона первой российской Конституанты — Учредительного собрания 1918 г.¹⁹; анализу действующей российской конституции 1993 г., обстоятельства принятия

которой остаются предметом острых споров в современной политической борьбе²⁰.

Учитывая остроту этой полемики и критику российского исторического конституционализма со стороны современных «почвенников», я активно включился в эту работу, подготовив ряд специальных статей, направленных на восстановление легитимности и исторического значения российского конституционализма²¹.

Речь идет о сравнении таких процессов, как переход от абсолютизма к конституционной монархии и республике, с одной стороны, и от однопартийной советской системы — к современным формам демократического государства — с другой. Учитывая, что эта проблематика была полностью табуирована в советское время, а ее полноценная научная разработка не велась в академических исторических изданиях постсоветского периода под предлогом юридической специфики, я считаю ее постановку в журнале крупным научным и общественно-политическим прорывом, обеспечивающим понимание взаимосвязи прошлого и современного состояния российской политической системы²².

С позиций когнитивной теории и аналитической истории были пересмотрены традиционные представления о соотношении «событийной» и концептуальной истории, социального опыта и научного знания, сделан акцент на изучение вариативности исторических процессов.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Эта работа, актуализировавшаяся в период юбилея Февральской революции, продолжена в последующие годы и рассматривалась мною как стратегическое направление деятельности журнала в перспективе предстоящего 100-летия русской революции 1917 года.

Данный подход действительно позволяет понять *системные факторы поддержания стабильности* российской государственности и *причин ее дестабилизации* по таким параметрам как альтернативы исторического выбора общества между реформой и революцией, психологические срывы, изменения отношений собственности, территориальная, национальная, политико-правовая и административная трансформация, возможности преодоления подобных кризисов на разных этапах истории.

Вклад революций и реформ в становление современного общества и национальной идентичности стал темой, интегрирующей различные направления современной историографии.

Тема революций трагического 1917 года — Февральской и Октябрьской — традиционно была основным предметом споров в российской, эмигрантской, а затем и пост-

советской историографии. Обращение «Российской истории» к ней выявило отсутствие консенсуса и сохранение традиционных консервативных, либеральных и социал-демократических подходов, существующих в многочисленных версиях²³.

С этих позиций реконструируются направления консолидации национальной идентичности (стереотипы сознания, ценности, идеологические программы партий); крупные социальные конфликты и представляющие их слои (крестьянские восстания, рабочие выступления, формы интеллигентского протеста), причины возникновения и выход из них (опыт революций и реформ). Я решил вмешаться в этот спор, подготовив статью, сопоставляющую подходы к двум революциям и предлагавшую объяснение срыва демократических реформ в 1917 году.²⁴

В своих статьях и выступлениях по этой проблематике, почти сразу получивших отражение в иностранной (английской, немецкой и китайской) историографии, я стремился выйти за рамки традиционного идеологического спора, обращая преимущественное внимание на моделирование различных стратегий выходов из кризиса и вариативности принятых решений.

Конечно, я вполне сознательно противопоставлял данный подход как традиционным советским классовым схемам, так и новой «почвеннической» историографии, эксплуатирующей традиционные мифы о «русской самобытности», «русской системе», конфликте «смуты и порядка» (будто бы перманентном состоянии национального сознания, не поддающемся пониманию в рациональных научных терминах).

Ясно, что это не прибавило мне популярности в широких кругах современных консервативных российских историков, для которых эти идеи стали едва ли не основным квазиофициальным объяснением революции.

Важным направлением в политике журнала стала публикация материалов, отражающих переосмысление истории русских революций²⁵ и Гражданской войны²⁶. В них вполне репрезентативно были представлены существующие в историографии позиции в отношении причин революций в начале XX века, периодизации их развития, вклада в формирование современного общества, а также сравнительные параллели с классическими революциями прошлого и современными революционными конфликтами.

ПОЛИТИКА СВОЕВРЕМЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ КАК АЛЬТЕРНАТИВА РЕВОЛЮЦИЯМ

Альтернативой революциям выступает политика продуманных и своевременных преобразований — движение нового и новейшего времени к правовому государству, изучение

которого стало магистральной темой журнала. Ряд тем, привлекавших мое преимущественное внимание, был связан с анализом крупнейших преобразований прошлого, начиная с реформ Петра Великого до современных споров о модернизации.

ВЕЛИКАЯ РЕФОРМА

Примерами системного обращения журнала к этим вопросам следует считать важную подборку статей: «К 150-летию Великой реформы»²⁷.

В отличие от сдержанных официальных комментариев или замалчивания многими другими академическими изданиями, не говоря о негативной реакции «неославянофильской» публицистики (обвинявшей деятелей Реформы в незнании психологии народа и навязывании чуждых западных стереотипов), наш журнал не только откликнулся на юбилей, но и выдвинул программу направленных исследований аграрных реформ.

В качестве главного редактора я считаю постановку проблемы Великой реформы и модернизации России одним из своих важных достижений²⁸.

РЕФОРМЫ СТОЛЫПИНА

Другой пример реализации данной стратегии — обращение к столыпинским реформам: «Реформы и русское общество в начале XX века: к 150-летию со дня рождения П.А.Столыпина»²⁹. В нашу задачу входило научное понимание данных реформ с позиций их вклада в модернизацию страны, движения к гражданскому обществу и правовому государству, поиск конструктивной альтернативы революционному срыву³⁰. Представляется, что публикация данной подборки несомненно будет способствовать пересмотру того негативного отношения к столыпинским реформам, которое направленно формировалось в советской историографии, не без основания усматривавшей в них единственную разумную альтернативу революции.

Сравнительный подход в изучении авторитарной модернизации новейшего периода представлен в материалах подготовленного мною по итогам встреч с китайскими коллегами международного круглого стола «Модернизация в России и Китае: сравнительные параллели»³¹.

Критическое переосмысление исторического опыта с позиций аналитической истории велось по таким направлениям как отношения собственности, основы российской государственности, идеология и политические партии, символика власти и лидерства, их содержательный вклад в модернизацию страны в прошлом и на современном этапе.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

К важнейшим социальным функциям исторического знания принято относить следующие направления его использования современным обществом: собственно эвристическая функция (добывание нового знания); функция консолидации национальной идентичности, сохранения исторической памяти и преемственности, обеспечение легитимности политических идеологий, движений и институтов; доказательство исторической давности в праве и судебной практике; педагогическая функция.

Эвристическая функция является важнейшей для академического издания, поскольку обеспечивает достоверную реконструкцию исторической реальности и качественную экспертизу социальных процессов на основе ретроспективной информации. Реализация этой функции представлена в журнале материалами о проведении целенаправленных социальных изменений, в указании тех стратегий и технологий, которые могут быть использованы для достижения значимой социальной цели с меньшими социальными издержками. С этих позиций важно обращение к проблемам модернизации — формирования гражданского общества и правового государства, социально-экономических и политических реформ.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ НАУКИ И ИДЕОЛОГИИ

Решение этих проблем сталкивается с противостоянием науки и идеологии, различные варианты которой — от национально-патриотической до «очищенного от деформаций» марксизма-ленинизма — по-прежнему присутствуют и активно действуют в российском обществе, выступая очевидным опровержением наивных или высокомерных утверждений о конце истории, идеологии и интеллигенции.

Это поистине минное проблемное поле дискуссий, так волнующих общество, где границы между фактом и оценкой, источником и интерпретацией, текстом и теоретической конструкцией не проводятся, а, напротив, — оппоненты стремятся распространить на исторические исследования априорно заданные оценочные категории, делающие бессмысленной работу историка, но дающую победу демагогу и манипулятору. Жесткая полемика с этими установками неизбежна при осуществлении ряда функций исторического знания.

Функции консолидации национальной идентичности, сохранения исторической памяти и преемственности отражены в доказательной репрезентации принципиальных знаковых событий — Отечественной войны 1812 года, Первой мировой войны 1914–1918 гг., и особенно Великой Отечественной войны советского народа с гитлеровскими захватчиками.

Новые подходы и источники представлены в проблемных рубриках, раскрывающих обстоятельства начала Второй мировой войны³²; Великой Отечественной войны³³; таких ее малоисследованных аспектов, как влияние войны на демографическую ситуацию³⁴; коллаборационизм и его причины, положение советских военнопленных³⁵; сравнение пропагандистских машин двух основных воюющих государств — «Третьего рейха» и Советского Союза³⁶.

В этих прорывных работах не только продемонстрированы новые методы анализа, но и дан критический анализ историографии проблем, включая вопросы, становящиеся предметом различных и острых политизированных оценок. Критический анализ историографических позиций был представлен по таким проблемам, как формирование российской государственности, Смутное время и его преодоление в XVII веке, утверждение абсолютизма и этапы развития имперской государственности, конституционные идеи и проекты, истоки русских революций начала XX века.

Предметом научных дискуссий стали развитие Российской империи, Установление Государственных границ, его внутренняя и внешняя политика России, структуры и символы государственности, имперская бюрократия и реформы³⁷.

ОСТРЕЙШИЕ ВОПРОСЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Наиболее острыми и дискуссионными вопросами, раскалывающими научную общественность, являются вопросы Новейшей истории: причины крушения Российской империи, истоки и смысл русской революции; противоборствующие стороны в Гражданской войне; история возникновения и возможности предотвращения Первой и Второй мировых войн, события Великой Отечественной войны, в частности, связанные с дипломатическими и политическими маневрами великих держав; проблемы изучения феномена советского общества в его достижениях и провалах; вопросы постсоветской трансформации. Поскольку все это — вопросы, имеющие огромную историографию, введение нового материала было сопряжено с пересмотром вклада историографии разных стран и установлением репрезентативности источниковой базы исследований, рамок их архивной фундированности.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СТАЛИНИЗМА

Одним из приоритетов своей деятельности редакция журнала считала аналитическое переосмысление советской истории, доказательством чему являются подборки статей по темам социальной стратификации советского общества³⁸, аграрным отношениям и влиянию процессов коллективизации на изменение экономической и демографической ситуации в

деревне³⁹, вопросам урбанизации и городского хозяйства⁴⁰, формированию советской политической системы⁴¹, политических репрессий и сопротивления им⁴², внутренней и внешней политике⁴³.

В контексте «архивной революции» и современных общественных дебатов существенное внимание было обращено тематике сталинизма как системе управления и репрессивной политики.

Нами был сделан обобщающий анализ достижений современной исторической науки по проблеме сталинизма как модели социального конструирования. Мы проследили формирование ее когнитивных основ, возможностей манипулирования информацией, конструирования машины репрессий и управления сознанием, аналоги которой трудно найти в истории⁴⁴.

КРУШЕНИЕ СССР

Ряд новейших материалов был посвящен вопросам трансформации советской политической системы в период «холодной войны» и ее крушения, в частности — изучению причин распада СССР. Учитывая остроту проблемы в связи с юбилеем данного события, я выступил с редакционной статьей, противостоящей попыткам подменить научный анализ социальных конфликтов, приведших к падению сверхдержавы, примитивными схемами в духе экономического детерминизма, национализма или «теории заговора», и т.п.⁴⁵.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИСТОРИИ

Педагогическая функция истории, хотя и не рассматривалась как приоритетная в рамках академического издания, также являлась предметом обсуждения в журнале. Различные подходы нашли суммарное выражение в представленных концепциях и методиках преподавания истории в вузах и школе⁴⁶.

Я неоднократно выступал по этим вопросам в СМИ, подчеркивая приоритет научных и доказательных подходов — реализации представлений об истории как строгой и точной науке, исключающей манипулирование данными в угоду идеологическим и партийным программам. Наш методологический подход был представлен на международных форумах⁴⁷, позитивно встречен в представительной междисциплинарной аудитории⁴⁸, оказался востребован в контексте современных дебатов о высшем и среднем образовании⁴⁹.

Мы исходили из того, что построение стройной и логически непротиворечивой концепции российского исторического процесса предполагает решение трех проблем: разработку универсальных научных понятий, способных на доказательном уровне объяснить логику российского исто-

рического процесса в глобальной перспективе; преодоление сохраняющихся диспропорций интерпретационных подходов к различным периодам русской истории в сравнительном контексте; достижение большего взаимопонимания исследователей различных направлений, поколений и научных школ. Ставя целью создание непротиворечивой концепции российской истории, журнал реализовал программу привлечения исследователей различных научных направлений, школ и политических взглядов при условии соблюдения их представителями конституционных норм и доказательности выдвигаемых положений.

«РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ» В ПОИСКАХ НОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

Смена парадигм (переход от нарративизма к когнитивной истории) ставит научное сообщество перед вполне реальной дилеммой — занятием строгой *наукой* (и тогда необходима разработка методов критической проверки данных и установление критериев доказательности выводов) или «*искусством*» (т.е. следование релятивистским установкам, размывающим научные методы и оперирующим псевдопонятиями, лишенными научного значения).

Выбор на индивидуальном и коллективном уровне зависит от ряда внешних факторов, определяемых социологией науки, но в то же время диктуется осознанной *нравственной позицией*. Этот выбор идет по следующим параметрам: конфликты школ, традиционализм и модернизм, повседневность и открытия, догматизм и инновации, ориентация на постижение смысла или сознательный уход от этой установки под влиянием страха, сомнений, эгоистических интересов или политических установок.

Все эти психологические состояния исследователей, — с которыми мне приходилось считаться как главному редактору, — значимы с когнитивной точки зрения, поскольку позволяют раскрыть разные ситуации соотношения науки и политики XX и XXI вв., отражающие логику и трудности человеческого познания.

ТОРГОВЛЯ «ОБРАЗАМИ ПРОШЛОГО» НА РЫНКЕ ИДЕЙ

Если в советский период единство и идеологическая чистота научного сообщества механически поддерживались партийным контролем, то в постсоветский период они столкнулись с рядом мощных деструктивных факторов: ими стали деньги, жажда массового успеха и близости к власти⁵⁰.

Первый из этих факторов ведет к превращению истории в товар, а историков — в торговцев «*историческими интерпретациями*», задача которых заключается в том, чтобы выгодно «продавать образы прошлого» на рынке идей.

Наша задача, напротив, состояла в сбалансированном представлении существующих подходов вне зависимости от их «рыночной» стоимости. По вопросам, однозначное решение которых не представлялось возможным в силу жесткого политического противостояния (как вопросы новейшей истории), сохраняющегося различия методологических подходов историков разных поколений (напр., при изучении капитализма, аграрных реформ и революций) или исторически сформировавшегося конфликта научных школ (каковым издавна продолжает быть, например, т. н. «варяжский вопрос»), Редакция видела свою задачу в предоставлении дискуссионной площадки для различных мнений, обеспечении междисциплинарного характера дискуссии (приглашение наряду с историками археологов, филологов, лингвистов), ее академического и доказательного уровня (т.е. содержательного обмена мнений на основании научных аргументов и без перехода на публицистические приемы ведения спора), а главное — стимулировании презентации уровня историко-ведческой аргументации сторон в споре.

Научное сообщество разлагает деятельность, связанная с поиском массового успеха или выполнением определенного социального заказа, представленная националистическими, псевдопатриотическими и откровенно ненаучными попытками пересмотра устоявшихся научных положений. Репутации исторической науки вредят люди, стремящиеся использовать ностальгические настроения части общества для апологии советской однопартийной диктатуры, сталинского террора, критики демократических реформ и современного конституционного строя или т. н. «национальные историки», переписывающие историю в угоду националистическим, этническим или конфессиональным установкам.

Волна ложного национально-патриотического энтузиазма, охватившего как по команде многие средства массовой информации, породила востребованность своего рода «политической романтики» самых разных идеологических оттенков.

В статье, посвященной осмыслению консервативной политической романтики, я показал социально-психологическую природу данного явления, его проявления в сознании профессионального сообщества, а также негативные следствия для научной мысли и гуманитарного образования⁵¹.

Агрессивные формы романтики, столь распространенные ныне, могут интерпретироваться как результат отсутствия реального обмена информацией, реакция на суррогатные информационные продукты, отчуждение индивида и поиск простых решений в сложной ситуации, форма сублимации социальных неврозов, порожденных фундаментальным противоречием между социальной реальностью и социальным идеалом.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Третьим фактором отчуждения исторического сообщества справедливо признается меняющееся отношение науки и политической власти, эволюционирующей в направлении авторитаризма. Это ведет к более жесткой фиксации официальных стереотипов исторической политики, идеологизации истории — вплоть до создания новой историографической ортодоксии и навязанного курса на «*позитивную идентичность*», вообще рассмотрения истории как инструмента политики.

Стремясь оставаться на позициях академических исследований, журнал дистанцировался от общественно-политических дискуссий по вопросам так называемой «исторической памяти», «войн памяти» и «политики памяти», видя в них путь не столько к научному знанию, сколько к манипулированию сознанием, вплоть до появления цензуры в новых формах.

Мы не приняли активно рекомендованную сверху, непродуманную и деструктивную идею борьбы с «*фальсификаторами*» исторической науки, считая, что ее реализация на практике приведет к отчуждению научного сообщества от политической власти («*борьба*» с чем-либо вообще не дело ученого, но скорее — пропагандиста).

Журнал занимал сдержанную позицию в отношении настоятельно предлагавшейся идеи создания новой многоотомной «Истории России» как некоего единого санкционированного взгляда на историческое прошлое страны. Мы без энтузиазма отнеслись к предложению участвовать в разработке и обсуждении учебников истории как способа направленного формирования т.н. «*исторической памяти*» народа.

Мы подчеркивали, что основу научных исследований следует видеть в исторических источниках, а не в исторической памяти, которая по своей психологической природе нестабильна и поддается самым различным субъективным трактовкам. Память, — доказывали мы, — основана на индивидуальном опыте, но опыт, тем более «*коллективный*» (если он вообще существует), — это не знание и, следовательно, нуждается в полноценной научной верификации, чтобы стать им. Однако подлинная проблема заключается в ином - неподготовленности общественного сознания к восприятию истории как строгой науки, оперирующей набором серьезных методов доказательной проверки выдвигаемых положений. Но тогда это — не проблема научного сообщества.

Все три фактора падения уровня исторической науки, с которыми мне пришлось столкнуться и воздействие которых отражать в журнале, — часто соединялись воедино, образуя серьезные каналы лоббирования тех или иных материалов.

Эти деструктивные тенденции ведут к маргинализации и депрофессионализации части научного сообщества, применявшей занятие наукой на обслуживание популистских настроений определенных слоев общества.

В данных условиях попытка введения единых ценностных стандартов профессионального сообщества начинает интерпретироваться как форма самоограничения исследователей, диалог — как форма обеспечения дисциплинированного энтузиазма в отношении ряда санкционированных проектов, а научная критика — как недопустимое вмешательство в прерогативы застывших академических структур.

Решение проблемы идентичности гуманитарных наук на современном этапе состоит в профессионализации научного сообщества как осознанном *этическом выборе*. Соотнесенность интеллектуального успеха (новое знание) и коммерческого успеха (заработанные средства при продаже науки как товара) всегда составляет проблему соотношения сообщества и власти.

Наука, конечно, не отделена от общества, и потому направления ее исследований соотнесены с потребностями общества, с его амбициями и ожиданиями. Однако это отношение более опосредованно, нежели знания, потому что в противном случае кардинально новые идеи, опережающие массовое сознание, не могли бы состояться. Ученый — это тот, кто свободно выбирает предмет своих исследований, в отличие от функционера, ориентированного на их практическое использование.

КОНФЛИКТ «РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ» С АКАДЕМИЧЕСКОЙ БЮРОКРАТИЕЙ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РАЗНОГЛАСИЙ

Нарастающий конфликт академических журналов и руководства институтов РАН — системная проблема постсоветского периода, связанная со стремлением академической бюрократии сохранить контроль над престижными научными изданиями, пользуясь юридической неопределенностью статуса последних.

Этот конфликт, однако, помимо чисто институциональных или коммерческих параметров, обычно включает и содержательную составляющую — попытку установления дирекцией того или иного института контроля над автономными центрами производства научных знаний, независимой экспертизы и потенциальной критики. Речь идет, следовательно, о специфическом проявлении противоречий гражданского общества и администрации, научной и аппаратной этики, интеллектуалов и бюрократии.

В случае «Российской истории» — журнала (предшествующие модификации которого имели вполне официозный характер), — данное противоречие было заложено изначально

но в исторических, институциональных и функциональных параметрах его легитимности. Научным функционерам не нравилось растущее стремление к академической независимости, выдвинутая полноценная концепция развития исторической науки, применение широких сравнительных подходов, готовность к профессиональной экспертной деятельности, возможность анализировать современную проблематику, а также ситуацию в самом научном сообществе на уровне понимания смысла.

Программа реванша, которую длительное время вынашивали противники предложенного мною курса, обрела почву под ногами с поворотом в руководстве Института российской истории, поддержанным консервативной частью научного сообщества. В отношении журнала был провозглашен курс на «возвращение к славным традициям прошлого», причем в их вполне советском понимании.

Содержание, этапы и методы развернувшегося противостояния представлены на трех основных уровнях академической пирамиды — ИРИ РАН, Бюро Отделения историко-филологических наук РАН, Президиума РАН⁵².

На первом этапе преобладало стремление к ниспровержению существующей редколлегии патерналистскими или наивно-административными методами. Резкая критика журнала и его главного редактора, прозвучавшая в выступлениях нового директора Института Ю.А. Петрова, назначенного в 2010 г., казалась тем более необъяснимой, что мы не обнаружили в ней ни одного содержательного аргумента. Последующий раскол в ИРИ РАН и столкновение различных позиций внутри редколлегии по линии лояльности к новому руководству привели к растущим трудностям в реализации единой стратегии научной и публикаторской деятельности.

Действия администрации ИРИ РАН в отношении журнала вызывали недоумение и протест: они включали систематическую публичную критику журнала и попытки всячески умалить значение проделанной работы. Началось давление на ряд членов редколлегии (которые честно признавались, что не могут выступать в публичных прениях по журналу из опасения потерять работу). Давление на меня как на главного редактора было не слишком оригинальным; начиная от неоднократных попыток моего досрочного отстранения до санкционированного дирекцией централизованного сбора информации обо всех моих действиях с целью создания негативного образа журнала (о чем мне неоднократно сообщали сотрудники различных подразделений).

Пиком этих усилий стало заседание Ученого совета ИРИ РАН 28 февраля 2012 г., на которое, с нарушением всех процедур, был вынесен мой отчетный доклад. Прекрасно понимая, какого рода «дискуссия» возможна по журналу на Ученом совете, полностью контролируемом дирекцией, я

решил не присутствовать на нем. Для этого были все формальные основания.

Я направил в Совет заявление, в котором указывал на юридическую и фактическую неправомерность постановки на нем моего отчетного доклада: согласно имевшимся нормативным документам (прежде всего Уставу РАН), он мог быть заслушан только на Отделении РАН, чему соответствовала и предшествующая практика. В то же время я фиксировал ситуацию конфликта. «Существующий порядок отношений между журналом «Российская история» и дирекцией ИРИ РАН, — констатировал я, — можно определить как острый конфликт по вопросу концепции исторической науки и методов управления ею. Этот факт признает и сама дирекция, представители которой неоднократно выступали с критикой журнала. Но в ситуации конфликта двух подразделений РАН спорный вопрос должен быть передан на рассмотрение отделения РАН или Президиума РАН»⁵³.

Было, однако, ясно, что институтская бюрократия не для того начала эту игру, чтобы отступиться от нее. На заседании Ученого совета я был заочно подвергнут критике как раз за то, что считал своими главными достижениями: теоретическое осмысление ситуации в российской историографии (журнал стал слишком «теоретическим» (!)), проведение направленной редакционной политики (он стал «направленческим»), перестал быть национальным («засилие» в журнале «иностраницы») и т.д.

Наконец прозвучало поразительное по цинизму заявление о том, что главный редактор журнала, дескать, «не любит Россию», — обвинение, связанное, вероятно, с моими статьями против консервативных псевдопатриотических и неостаалинистских подходов в историографии. Не скрою, мне показалось забавным и обвинение меня в «диктаторских устремлениях», выдвинутое со стороны людей, которые на протяжении десятилетий изгоняли свободомыслие из всех возможных академических структур! Это были именно те настроения, которые, вопреки общим демократическим переменам в стране, господствовали в журнале на протяжении всего постсоветского периода, поддерживая в нем атмосферу официоза, серости и казенного патриотизма, которую я пытался устранить во время своего руководства.

Как передавали мне присутствовавшие на Совете молодые сотрудники и некоторые почтенные мэтры, помнившие старые времена, данное «обсуждение» показалось им сходным с «дискуссиями» 1930–50-х гг., т.е. отчетливо напомнило им о сталинских временах. А само «единогласное осуждение» позиции журнала и его главного редактора путем открытого голосования, продемонстрированное Советом в лучших традициях партийной дисциплины, напомнило правильность известного наблюдения - «по течению плывет только мертвая рыба».

На втором этапе — возникла «дискуссия» внутри Бюро Отделения историко-филологических наук, руководство которого при внешне демонстрируемом нейтралитете фактически поддержало консервативную часть сообщества.

Об эмоциональном напряжении момента свидетельствовало то, как некоторые осторожные коллеги вдруг перестали замечать меня, а другие буквально отпрыгивали в сторону как от прокаженного, когда я шел по коридору Института.

Наступил день моего выступления на Бюро Отделения. Осознавая важность момента, я подготовил большой развернутый доклад, считая необходимым всестороннее обсуждение деятельности центрального академического журнала, но мне дали всего лишь десять минут, в течение которых меня постоянно прерывали и просили «не углубляться в детали». Результатом «дискуссии» стало предложение о назначении комиссии Отделения по изучению ситуации в журнале, причем мне было отказано от участия в определении ее компетенции и формировании ее состава.

На третьем этапе конфликт перешел на высший уровень: после решения Бюро мне не осталось ничего другого, как апеллировать к «небесам», т.е. Президиуму РАН. Мои ощущения примерно соответствовали тем, которые испытал Гулливер, неожиданно переместившись из Лилипутии в Бробдинггет: масштаб другой — проблемы схожие.

Я написал служебную записку Президенту РАН с изложением обстоятельств дела и сути конфликта⁵⁴.

Понимая невозможность требовать многого, я ограничился программой-*minimum* «Для преодоления указанных деструктивных тенденций в отношении журнала, — писал я в Президиум РАН, — мы считаем целесообразным следующее:

прекращение публичной, необоснованной и крайне вредной критики журнала со стороны дирекции Института; демонстрацию позитивной оценки достижений журнала за последнее пятилетие со стороны Президиума РАН; предоставление возможности мне как главному редактору спокойно завершить работу в рамках отведенного мандата; разъяснение руководству ИРИ РАН неправомерности ультимативных заявлений и требований отчетности к журналу, выходящих за пределы научной логики и административной компетенции; в случае принятия Отделением решения о нецелесообразности продления моих полномочий на следующий срок (вполне понятного в сложившейся ситуации) сохранить, по возможности, ядро сформированной редколлегии, в которую входят известные специалисты, и преемственность в развитии журнала, представляющего собой центральное академическое издание в области российской истории»⁵⁵.

Неожиданно для меня записке был дан ход. Это может объясняться как расстановкой сил в Президиуме, так и осоз-

нанием бесперспективности чисто административных методов разрешения подобных конфликтов.

Конфликт перешел наконец в сферу поиска компромисса, который поставил точку в административной составляющей вопроса. Компромисс заключался в том, что был отвергнут чисто репрессивный вариант (на котором настаивало руководство Бюро Отделения РАН и дирекция Института): мне оставляли возможность завершить свою деятельность в срок, но я должен был подать в отставку сразу после истечения срока полномочий, на который был избран⁵⁶.

Но ведь это было именно то решение, которое я предлагала администрации ИРИ РАН с самого начала! Стоило ли проходить все круги для обретения *status quo ante bellum*? Вопрос кажется риторическим, но не является таковым на деле. Полагаю, что бороться стоило: данный конфликт только по форме был административным, но его содержание и принятое решение — несомненно, идеологическим. Интересно, что многие коллеги *тайно* выражали мне свое сочувствие и поддержку, объясняя, что по понятным причинам не смогут сделать этого *публично*.

В ходе конфликта, одной из сторон и аналитиком которого я поневоле оказался, чрезвычайно четко проявилось противостояние науки и академической бюрократии, были представлены разные уровни обсуждения спорных вопросов, что позволило артикулировать имеющиеся позиции.

Но главное, пожалуй, состояло в следующем: научному сообществу была продемонстрирована независимая позиция академического издания и его готовность отстаивать эту позицию — довольно нетипичный факт в нашей историографии. Это была серьезная моральная победа для всего российского научного сообщества.

СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА ИСТОРИЮ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В условиях завершения постсоветского конституционного цикла, роста реставрационных настроений и укрепления бюрократических структур научное сообщество оказалось перед жесткой дилеммой: сохранять свою профессиональную идентичность либо же утратить ее с последующей маргинализацией.

В ситуации модернизации всегда встает выбор одного из трех вариантов: возвращения вспять (которое в принципе невозможно в полном виде), серьезных преобразований, требующих мобилизации всех имеющихся интеллектуальных и административных ресурсов (которые ограничены, особенно если учитывать сопротивление им) или, наконец, поддержания ситуации неопределенности путем частичных изменений, поисков некоего «самобытного пути».

Последний вариант, однако, мало чем отличается от топтания на месте. Для обретения позитивной идентичности гуманитарному сообществу предстоит решить несколько трудных задач. Придется преодолевать методологический релятивизм и выстраивать консолидацию в условиях смены научных парадигм, переформатировать системы научных приоритетов и коммуникаций. Самое главное, а может быть, и самое трудное — прийти к сознательному отказу от смешения идеологии и науки, традиции и разума. На этой основе могут заново утвердиться строгие стандарты профессиональной этики, способной обеспечить единство и преемственность подходов в научной деятельности.

Журнал «Российская история» в рассматриваемый период оказался способным выступить с *целостной программой* теоретического переосмысления современной исторической науки и стоящих перед ней актуальных задач.

Была заложена новая система приоритетов исторической науки в области как методологии исторических исследований (когнитивная теория), так и их тематики, вытекающей из концепции аналитической истории, восстановлен престиж полноценного доказательного знания, утраченный в советский и постсоветский период. С этих позиций журнал противостоял различным попыткам подменить науку

идеологией, коммерцией или решением задач политической конъюнктуры

В условиях консервативного поворота гуманитарных подразделений РАН естественное стремление академических журналов утвердиться в качестве автономных научных центров требует значительных усилий мысли и воли.

В ходе этих *боев за историю* мне стало ясно, что в своей основе наши действия были правильными. Критики не смогли противопоставить концепции журнала ничего равноценного — полноценной содержательной программы развития исторической науки. Все, что им оставалось, — это прибегнуть к известным идеологическим обвинениям и административному давлению. Но эти методы не являются убедительными аргументами в научном споре. Встает общий вопрос о состоянии гуманитарных институтов, журналов и подразделений РАН, степени их адекватности современным задачам и возможных направлениях реформирования.

Мы верим, что будущие бои за историю позволят решить поставленные проблемы, расширить пространство науки за счет устранения мифологем, освободить науку и сообщество от слишком пристального бюрократического внимания и расчистить поле для серьезной академической дискуссии, превратив историю в строгую и точную науку.

ПРИМЕЧАНИЯ

(Endnotes)

1 О ситуации в исторической науке постсоветского периода см.: Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011; Исторические исследования в России. Пятнадцать лет спустя. М., 2011. См. также: Медушевский А.Н. Научное сообщество и его критики: старые обиды, новые разочарования и незавершенный поиск идентичности // Российская история, 2012. №4. С. 216-221.

2 Официальный отчет о работе Журнала см.: Медушевский А.Н. История как наука и профессия: Журнал «Российская история» за пять лет (2007-2012). Доклад на Бюро Отделения историко-филологических наук РАН 29.02.2012 // Российская история, 2012, № 4. С. 241-249.

3 Когнитивная история: концепция — методы — исследовательские практики. М., 2011.

4 Медушевский А.Н. Аналитическая история: журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история, 2008, № 5. С. 3-18.

5 «Теория и методология когнитивной истории». «Круглый стол» // Российская история, 2010, №1. С. 131-166.

6 Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история, 2009, № 4. С. 3-22; Он же: Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии, 2009, № 10. С. 70-92; Он же: Когнитивно-информационная теория в философии, истории и антропологии // Человек: образ и сущность. Когнитология и гуманитарное знание. М., 2010. С. 226-250.

7 Медушевский А.Н. Российская история: новые рубежи и пространство диалога // Российская история, 2009, № 1. С. 3.

8 «Россия в истории: от измерения к пониманию»: «Круглый стол» // Российская история, 2011, № 1. С. 145-204.

9 «Россия в мировом пространстве» // Российская история, 2009, № 2.

10 «Инокультурные представления в истории» // Российская история, 2010, № 5.

11 Медушевский А.Н. Национализм и авторитарная модернизация: дебаты в современной немецкой историографии // Российская история, 2009. № 6. С. 177-186; Он же: Восточная Европа и Россия: через 20 лет после падения Берлинской стены // Там же, 2010, № 5. С. 110-118. Он же: «Русская парадигма» и ее переосмысление в историографии стран Центральной и Восточной Европы // Там же, 2011, № 3. С. 168-174.

12 «Из истории Русского зарубежья» // Российская история 2008, № 3; и «Российское зарубежье» // Там же, 2010, № 3.

13 Медушевский А.Н. Региональная история в глобальном измерении // Российская история, 2009, № 3. С. 3-15.

14 «К истории формирования гражданского общества в России XVIII–XX веков» // Российская история, 2011, № 2.

15 «Народное образование в контексте политической и общественной жизни императорской России» // Российская история, 2010, № 6.

16 См. тематические подборки статей: «Церковь, общество, государство» // Российская история, 2008, № 4; «Церковь, власть и религиозное сознание» // Российская история, 2010, № 2.

17 «100-летие «Вех»: Интеллигенция и власть в России. 1909–2009». «Круглый стол» // Российская история, 2009, № 6.

18 «История российского конституционализма» // Российская история, 2010, № 1.

19 «К 90-летию первой российской Конституции» // Российская история, 2008, № 2.

20 «15 лет российской Конституции» // Отечественная история, 2008, № 6.

21 См. ряд моих статей по этим вопросам: Медушевский А.Н. Политическая теория российского конституционализма XX в. // Российская история, 2010, № 1. С. 45-63; Он же: Учредительное собрание как политический институт революционного периода // Отечественная история, 2008, № 2. С. 3-28; Он же: Российская Конституция 1993 года в сравнительно-историческом контексте // Отечественная история, 2008, № 6. С. 28-51.

22 Подробнее эти идеи представлены в моей книге: Медушевский А.Н. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX-начала XX вв. М., 2010.

23 «Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания»: «Круглый стол» // Отечественная история, 2007, № 6.

24 Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России в 1917 г. // Отечественная история, 2007, № 6. С. 3-27.

25 «К 90-летию Февральской революции» // Отечественная история, 2007, № 6.

26 «Революция и гражданская война в российской провинции» // Отечественная история, 2007, № 4.

27 К 150-летию Великой реформы // Российская история, 2011, № 1.

28 Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история, 2011, № 1. С. 3-27.

29 «Реформы и русское общество в начале XX века: К 150-летию со дня рождения П.А.Столыпина» // Российская история, 2012, № 2.

30 Медушевский А.Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // Российская история, 2012, № 2. С. 3-18.

31 «Модернизация в России и Китае: сравнительные параллели»: «Круглый стол» // Российская история, 2012, № 3.

32 «К 70-летию начала Второй мировой войны» // Российская история, 2009, № 6.

33 «Из истории Великой Отечественной войны» // Российская история, 2010, № 3.

34 «Великая Отечественная война и демографическая ситуация в России» // Российская история, 2010, № 4.

35 «Из истории военнопленных в СССР»: 1940-е — начало 1950-х гг.» // Отечественная история, 2008, № 2.

36 «Война и пропаганда» // Отечественная история, 2008, № 1.

37 «Имперская бюрократия и реформы начала XIX века» // Российская история, 2009, № 4; «Внутренняя политика России

в начале XX века» // Там же, 2009, № 4); «Структуры и символы российской государственности» // Там же, 2010, № 1.

38 «Советское общество: формы социальной стратификации» // Российская история, 2009, № 5.

39 «Голод и политическая власть в Советской России и СССР» // Отечественная история, 2008, № 1.

40 «Город и урбанизация в Российской истории» // Отечественная история, 2009, № 1.

41 «Из истории политических партий и движений социального протеста: конец 1917- начало 1930-х гг.» // Российская история, 2010, № 4.

42 «Высылка, чистка, террор: формы репрессивной политики» // Российская история, 2009, № 1.

43 «Политика, экономика социум» // Российская история, 2010, № 2; «История становления внешней политики Советской России» // Там же, 2008, № 4.

44 Медушевский А.Н. Сталинизм как модель социального конструирования // Российская история, 2010, № 6. С. 3-29.

45 Медушевский А.Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история, 2011, № 6. С. 3-30.

46 «Российская история: теория изучения и методы преподавания» // Отечественная история, 2008, № 3.

47 Медушевский А.Н. Диалог культур: когнитивная теория и аналитическая история // XI Международные Лихачевские научные чтения 12-13 мая 2011 г. СПб., 2011.Т.1. С.362-365.

48 См.: «Знание о прошлом в современной культуре»: «Круглый стол» // Вопросы философии, 2011, № 8. С. 3-45.

49 См.: Строгая и точная наука. Беседа с Главным редактором журнала «Российская история» // История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществоведения. 2011. № 16 (Ноябрь). С. 32-35.

50 Подробнее о проявлении этих факторов в исторической науке см. работы, указанные в сноске № 1.

51 Медушевский А.Н. К критике консервативной политической романтики в постсоветской России // Российская история, 2012, № 1. С. 3-16.

52 Здесь и далее я сознательно не называю имен участников конфликта с целью элиминировать персональный аспект проблемы. Меня интересуют социологические типы, выражающие определенные тенденции в науке, а не личности, в данном случае вполне взаимозаменяемые. Информированный читатель, однако, сможет определить их без особого труда.

53 Заявление Главного редактора журнала «Российская история» в Ученый совет ИРИ РАН от 28 февраля 2012 г.

54 Служебная записка в Президиум РАН от Главного редактора журнала «Российская история» (март 2012 г.).

55 Там же.

56 Именно такая формулировка фигурировала в моем заявлении об отставке на имя академика-секретаря ОИФН РАН от 10 апреля 2012 г. ■

Андрей Медушевский

Доктор исторических наук, профессор, член редакционного совета ВЕ, автор ряда монографий и множества статей, лауреат карамзинской медали «AD NUNCIUS EUROPAE – «Вестнику Европы».

* Статья подготовлена автором на основе Доклада, прочитанного на международной конференции: «Историк и мир, мир историка в России и Центрально-Восточной Европе» (Будапешт, Университет им. Лоранда Этвеша, 21-22 мая 2012 г.). Полный текст читайте на сайте «Вестника Европы» VestnikEvropy.com